Е.С.Палеха, И.А.Садыкова
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Умолчание как прием нарушения конвенциональных запретов в публицистическом дискурсе

публицистический дискурс, конвенциональность, умолчание, косвенный речевой акт, коммуникативная эффективность

Лингвистическая прагматика часто затрагивает вопросы коммуникативной нормы, социально-речевого стереотипа, коммуникативной роли и коммуникативного ожидания, а также проблему успешного моделирования многоаспектных дискурсных отношений коммуникантов, которая имеет специфику в межличностном и публичном дискурсах. При этом некоторые ключевые понятия – такие как «коммуникативные нормы», «социокультурные правила коммуникации» или «социокультурные конвенции» – в научной теории являются не вполне устоявшимися, хотя на практике они выступают в качестве базовых регуляторов общения.

Термин «конвенциональный» используется в гуманитарном знании, как правило, в значении «условный, общепринятый, соответствующий традициям» [Комлев 2006].

В современной прагматике термин «конвенция» закрепился в том значении, в котором он был использован в работах Дж. Остина, Дж. Серля, Д. Льюиса как регулярно повторяющаяся закономерность (R) в поведении членов общества, проявляющаяся в том, что:

1) практически каждый следует R;

2) практически каждый ожидает, что все остальные тоже следуют R;

3) практически каждый почти одинаково оценивает приоритетность и предпочтительность всех возможных комбинаций действий;

4) практически каждый предпочитает, чтобы любой другой следовал R при условии, что все остальные следуют R;

5) практически каждый предпочел бы, чтобы любой другой следовал Ri при условии, что все остальные следовали бы Ri [Lewis 1969: 78].

Эта регулярно повторяющаяся закономерность поведения закрепляется в практике социального общения как нормативная модель коммуникативного поведения.

Конвенциональность в коммуникативистике понимают как систему прагматических конвенций, регулирующих диалоговое взаимодействие коммуникантов на различных речевых уровнях (от речевого акта до сценария) [Колтунова 2006].

В процессе дискурсного взаимодействия такие конвенциональные модели используются автоматически, они могут быть вербализованными, невербализованными и частично вербализованными. Базовыми и универсальными для большинства сфер социального общения являются этносоциокультурные конвенции, усваивающиеся личностью в процессе социализации или адаптации в обществе. Они выполняют ряд важнейших функций, в том числе они способны нейтрализовать речевую агрессию, регулировать и координировать коммуникативное взаимодействие в диалогическом общении.

К конвенциональным моделям такого типа следует отнести прием так называемого «умолчания» – «служащий для усиления выразительности речи стилистический приём, при котором выражение мысли остается незаконченным, ограничивается намеком» [Ефремова 2000].

В ракурсе прагмалингвистики под умолчанием можно понимать такие речевые тактики и стратегии, которые ориентированы, с одной стороны, на неназывание автором некоторых реалий, как правило, социально-политической или традиционно-

культурной жизни; с другой – на использование приема намеренной двусмысленности, нарушающего точность речи и имеющего целью сделать формально скрытый смысл очевидным, понятным, доступным для восприятия целевой аудитории говорящего / пишущего. Как правило, такой двухъярусный смысловой корсет высказывания образуется при помощи соответствующей интонации (в устной речи) и особым набором лексических средств (в устной и письменной речи), реже эту функцию выполняют морфологические и синтаксические средства. Часто основную семантическую нагрузку несет «затекст» – невербальное сопровождение высказывания или отсылка к прецеденту.

К примеру, синтаксический параллелизм, морфологическая синонимия способствуют формированию семантической базы для построения регулярного намека (это намек на прототипическую ситуацию, известную подавляющему большинству [Баранов 2007: 205]) в высказывании: «*Автомобиль сделан в СССР – дом построили в России».* Сентенция сопровождается фотоизображением ЗИЛа, который въехал в кирпичную стену – стена рушится, автомобиль цел. Смысловая антиномия «в СССР все дели на совесть» – «в России все ненадежно» моделируется читателем при условии владения контекстом (представление старшего поколения о СССР).

Подобная антиномия выстраивается имплицитно в сентенции, размещенной на плакате социальной рекламы с изображением вагона метро, сидящих мужчин и рядом стоящей беременной женщины: «*Борода не делает тебя мужчиной».* Семантический импликатив формируется невербальным рядом: «мужчина уступает женщине / мужчина заботится о женщине» и под. Тот же механизм смыслового моделирования задействован в рекламе, пропагандирующей многодетность: «*Они родились третьими»* (фотоизображения известных людей, достигших большого успеха или получивших общественное признание).

Отметим, что пропаганда социально значимых ценностей, как правило, имеет побудительную интенцию второго целевого ряда: «*Борода не делает тебя мужчиной» → «Мужчина – это тот, кто забоится о женщине, уступает ей место и т.п.» → «Будь мужчиной! / Уступи место женщине!»*; «*Они переживут твоих внуков»* (изображение: брошенные в лесу пластиковая бутылка и банка из-под газированного напитка) *→ «Лес – не место для мусора» → «Убирай за собой мусор!»; «Родите ли?»* (изображение тлеющей сигареты) *→ «Курение – опасно для вашего здоровья» → «Хочешь быть матерью – не кури!».*

Однако в рассматриваемых выше случаях побуждение адресата к определенным действиям не является основной авторской интенцией, но, безусловно, входит в смысловой ряд запланированного раскодирования смыслового посыла сообщения. При этом в высказываниях иной логико-семантической структуры директивность оформлена более очевидно и является основой интенционального рисунка высказывания:

«Выбирай, куда посадить ребенка» → «Сажай ребенка в специальное автомобильное кресло!».

«СМСишь за рулем? Ответ не дойдет» → «Не пользуйся телефоном за рулем!».

«Бросая мусор, не забудьте хрюкнуть» → «Не бросайте мусор!».

В примерах использован косвенный речевой акт, условием для дешифровки которого становится дополнительное коммуникативное составляющее. В первом случае это креолизация текста (вербальный текст дополнен невербальным: изображение кресел – автомобильного и инвалидного), во втором – диалогизация, в третьем – апелляция к культурно-маркированному пейоративному символу.

Интересно, что в случае с креолизацией оценочность, которая становится необходимым условием «расшифровки» адресатом целевого действия, моделируется не самим картиночным текстом, а его лингвокультурным семантическим наполнени-

ем на этапе декодирования (инвалидное кресло, рисунок свиньи – денотат сам по себе безоценочен, коннотативно окрашены культурные сценарии и фреймы, связанные с понятиями). По сути, эти смыслы умалчиваются автором в связи с наличием конвенционального запрета (например, в публичной коммуникации запрещено использовать номинацию «свинья»; речевая интенция «предсказание смерти» также относится к традиционно эвфемизируемым смыслам), но легко воспроизводятся сознанием среднего представителя целевой языковой общности.

Диалогизация и аппелятивная модальность на уровне синтактико-морфологическом создаются при помощи разноуроневого языкового оформления обобщенного образа «ты»-личности (*СМСишь, выбирай*), который также не вербализован в прямой форме, поскольку прямые призывы в публичной коммуникации связаны с коммуникативным барьером – они воспринимаются как агрессивные формы речи, а потому адресат не всегда хочет следовать таким «советам», «указаниям», а значит можно говорить о наличии конвенционального запрета на прямые призывы в массово ориентированной коммуникативной ситуации.

Усилению директивности служит и глагольная биполярность таких сентенций: *СМСишь – не дойдет, выбирай – посадить, бросая – хрюкнуть*. Причина и следствие, условие и исполнение, параллельные действия – рисунок сложного синтаксического единства может быть разным в зависимости от выбранной автором тактики воздействия, ведущей стратегией при этом остаются воздействие и умолчание.

Основная задача автора в текстах подобного публично воздействующего формата заключается в том, чтобы обеспечить реципиенту наиболее благоприятные условия для понимания сложно организованного текста с элементами намеренной импликации (умолчания) и с этностереотипной конвенциональностью. Поэтому, учитывая характер и назначение социального текста, автор может варьировать свое обращение к вербальным и невербальным (изобразительным) средствам выражения, усиливать директивную направленность высказывания, обращаться к культурно маркированным смыслам – все в целях усиления эффективности текста, содержащего элементы конвенциональных запретов. Взаимодействуя друг с другом, вербальные, морфологические, имплицитные и иконические элементы таких текстов обеспечивают целостность и связность малоформатного произведения, работают на его коммуникативный эффект – помогают читателю декодировать умолчание, воспринимать в побудительном ключе и конвенционально нагруженные паттерны.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А.Н.Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. Свыше136 000 слов. ст. Ок. 250 000 семант. ед. / Т.Ф.Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/ (проверено 12.08.2017).

Колтунова М.В. Конвенциональность как основа делового общения: дис. ... д-ра филол. наук / М.В.Колтунова. – М., 2006. – 286 с.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов / Н.Г.Комлев. – М.: ЭКСМО, 2006. – 669 с. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20939 (проверено 1.08.2017).

Lewis D.K. Convention: A philosophical study / D.K.Lewis. – Cambridge, 1969. – 213 p.